

УДК 94/100

Ф.Ф. Мухаметов

ВКЛАД ЕВРАЗИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ И УЛУГ УЛУСА ХIII-XV вв.

Как организующую социально-политическую силу, подобно марксистскому направлению в исторической науке в первый период ее формирования, рассматривали монголов и Улуг Улус («Золотая Орда» в русских источниках со второй половины XVI в.) представители евразийской исторической школы - наиболее влиятельного литературно-философского течения русской эмиграции 20-х – начала 30-х годов: Н.С. Трубецкой, С. Пушкин, Б. Ширяев, Г.В. Вернадский, П.Н. Савицкий, Э. Хара-Даван и др.

Князь Н.С. Трубецкой (1890-1938), по мнению А. Дугина, по праву может быть назван «евразийцем номер 1», «именно Трубецкой создал евразийство, открыл главные силовые линии этой теории, которые в дальнейшем разрабатывались целий плеядой крупнейших русских мыслителей – от Петра Савицкого, Николая Алексеева и Льва Карсавина до Льва Гумилева»[16,5]. Общая позиция Трубецкого предопределила специфику взглядов евразийцев на русскую историю. В своей первой работе «Европа и человечество» легко угадываются все основные принципы грядущей евразийской идеологии. Человечество, по его суждению, должно осознать свое единство через отрицание тоталитарной модели современного Запада, объединив «цветущую сложность» (по выражению Константина Леонтьева) народов и культур в единый лагерь антизападной планетарной освободительной борьбы. Недопустимым, неприемлемым в нем является лишь его агрессивное отношение ко всем остальным культурам, его колониализм, доминаторство, склонность к цивилизационному геноциду и порабощению всего инакового по отношению к нему.

Наиболее обобщенной формой человечества, «цветущей сложности» виделась Трубецкому Евразия – идеальная формула того, что, как духовное послание от степных туранцев Чингисхана было передано Московской Руси. Россия-Евразия в такой картине мира становилась оплотом и рычагом планетарной борьбы человечества против универсального планетарного романо-германского ига[16,29-90].

Удивительно, насколько этот тезис созвучен позиции крупнейшего французского традиционалиста Р. Генона, который в своей книге «Восток и Запад» утверждает абсолютно то же самое, за исключением выделения особой роли России в планетарном противостоянии современному Западу. Трудно сказать, знаком ли был Трубецкой с трудами Генона. Известно лишь, что Генон упомина-

ется в текстах другого видного евразийца, сподвижника князя Трубецкого – Н.Н. Алексеева. Но если у Генона речь идет лишь о необходимости противодействия современному Западу со стороны оставшихся традиционных обществ, то евразийский проект, помимо вполне обоснованного пессимизма относительно инерционного развития событий, имеет развитую футурологическую революционную составляющую, стремится предложить проект такой культурно-социальной формы, которая сочетала бы верность традиции и социально-технологический модернизм [16, 8-9].

Общая позиция князя Трубецкого предопределила специфику взглядов евразийцев на русскую историю. Наиболее подробно эту концепцию развил крупнейший деятель евразийского движения Г. Вернадский, сын великого русского ученого. В своих многочисленных работах он развертывает панораму евразийского видения Руси, но и эта монументальная экспозиция, по сути, есть лишь развитие тех тезисов, которые сформулировал Трубецкой. Домinantой евразийского понимания русской истории является представление о сущности русского народа и русского государства как о чем-то, в корне отличном от путей романо-германского мира. Русь мыслится как органическая часть Человечества, противостоящего Европе. Следовательно, необходима тотальная ревизия русской исторической школы, которая ранее отталкивалась прямо или косвенно от канонов европейской учености. Конечно, славянофилы, Ф.М. Достоевский, К.Н. Леонтьев и Н.Я. Данилевский сделали чрезвычайно много для того, чтобы подобраться к альтернативной собственно русской, не романо-германской, оценке нашего пути. Сами евразийцы считали себя продолжателями именно этой линии. Однако они были еще радикальнее и революционнее, чем их предшественники в вопросе отвержения Запада. Они настаивали не только на подчеркивании нашей национальной самобытности, но и альтернативности цивилизационных парадигм Европы и органической, донной Руси, Руси-Евразии[16,9-10].

Общая картина евразийского взгляда на историю Руси изложена в программной книге Н.С. Трубецкого «Наследие Чингисхана», вышедшей в 1925 году в Берлине. Он вполне определенно пишет о том, что Киевская Русь и современная ему Россия – явления, исторически не связанные между собой. «... Не только фактически из Киевской Руси не возникла современная Россия, но ... это было даже и исторически невозможно»[8,224].

Киевская Русь, к которой традиционно возводят истоки российской государственности, по его мнению, цивилизационно, культурно и geopolитически не была на самом деле колыбелью Руси; это не более чем одна из нескольких составляющих грядущего Русского Царства. Централизация ее была сильно преувеличена впоследствии, а интегрирующей идеи и вовсе не существовало. Это религиозная провинция Византии, политическая провинция Европы. Татаро-монгольское завоевание легко справилось с этой незаконченной геополитической конструкцией, вобрало ее в себя как составляющую часть. Но монголы были не просто варварами. Они исполняли великую имперостроительную функцию, закладывая фундамент гигантского континентального государства, базу много-полюсной евразийской цивилизации, сущностно альтернативной романо-германской модели, но вполне способной к динамическому развитию и культурной конкуренции.

Н.С. Трубецкой всячески подчеркивает колossalную ценность тюркско-монгольского импульса, проницательно указывая на тот важнейший геополитический факт, что все просторы восточной Евразии интегрируются за счет объединения степной зоны, простирающейся от Манчжурии до Трансильвании. Татары совершили то, что было предначертано в географии, и тем самым стали фактом планетарной истории. «Чингисхан совершил дело исторически необходимое и осуществлял вполне реальную, самой природой поставленную историческую задачу, завоевание частей собственно Азии являлось исторически вовсе не необходимым. Это были страны с древними национально-государственными и культурными традициями, с определенными сферами собственного культурного влияния, - продолжает автор. Правда, соединив их с Евразией, - рассуждает он далее, - Чингисхан получил возможность ввести в созданную им евразийскую государственность элементы этих старых азиатских культур и использовать, таким образом, культурные богатства и культурное влияние Китая, Персии и Индии, не только не подчинившись в то же время политической власти какой-либо из этих стран, но даже подчиняя самые эти страны себе. Для Евразии от этого, - заключает автор, - таким образом, произошла и некоторая польза»[16,228-229].

Подлинно русское, евразийское государство, по мнению Трубецкого, возникло, когда московские князья взяли на себя татарскую geopolитическую миссию. Россия, в географическом отношении представляющая собой систему степей, в социально-политическом отношении явилась продолжением империи Чингисхана, взяв на себя исторически необходимую задачу объединения Евразии. Московский византизм становится доминирующей государственной идеологией уже после краха Византии и в органичном сочетании с государственным строем, полностью заимствованным

от монголов, таким путем сделали «свою русскую, ту монгольскую по своему происхождению государственную идею»[16,243]. Это и есть Святая Московская Русь, царская и евразийская, континентальная, строго отличная от романо-германского мира, радикально противопоставленная ему.

«Важным историческим моментом было не «свержение ига», не обособление России от власти Орды, а распространение власти Москвы на значительную часть территории, некогда подвластной Орде, - утверждает Трубецкой, - другими словами, замена ордынского хана московским царем с перенесением ханской ставки в Москву[8,245]. Таким образом, двести лет Московской Руси – это двести лет Руси идеальной, архетипической, строго соответствующей своей культурно исторической, политической, метафизической и религиозной миссии. И именно великороссы, духовно и этнически смешавшиеся с евразийскими имперостроителями Чингисхана, стали ядром и зерном континентальной России-Евразии, переплавились культурно и духовно в особый интегрирующий, государствообразующий этнос.

В работе «К проблеме русского самопознания» Н.С. Трубецкой проводит мысль об огромном положительном влиянии на русскую культуру и государственность монголов и вообще туранских народов. По мнению автора, «Московское государство» возникло благодаря монгольскому «игу», Русский царь явился наследником монгольского хана: «свержение» монгольского «ига» свело к замене хана православным царем и к перенесению ханской ставки в Москву. Произошло обрушение и оправославление «татарщины», московский царь оказался носителем этой новой формы «татарской государственности»[16,157-162].

С.Г. Пушкин в своей статье «Россия и Европа в историческом прошлом» (Берлин, 1927) также освещает многовековую историю взаимодействия Руси с кочевниками евразийских степей, в процессе которой, как считал автор, выработалось устойчивое психологическое восприятие русскими кочевых народов, чего не произошло по отношению к западным соседям. Соответственно, приход монголов в Восточную Европу, по его мнению, способствовал сохранению русской национально-культурной самобытности перед лицом военно-политической и религиозной экспансии Запада.

Эти же мысли проводил и Г.В. Вернадский (1887-1973) в своих статьях «Два подвига Александра Невского» (Берлин, 1925) и «Монгольское иго в русской истории» (Берлин, 1927). В первой из указанных статей автор противопоставляет политику Даниила Галицкого (прозападническую) и политику Александра Невского (промонгольскую), считая, что политика последнего оказалась более дальновидной и более конструктивной для дальнейшей истории Руси. Во второй - Г.В. Вер-

надский показывает, что основным итогом «монгольского завоевания» для Руси было включение ее в социально-политическую и культурную систему империи монголов, благодаря чему Русь была поставлена в теснейшую связь со степным центром и азиатскими перифериями материка.

Крупнейший представитель евразийского направления Г.В. Вернадский в своей третьей книге капитального труда – англоязычной «Истории России»[3; 5,11], посвященной периоду монголотатарского нашествия, анализу его влияния на дальнейшие судьбы развития России, предложил собственное видение социокультурных последствий вторжения монголов в Россию. В «Предисловии» к ней он подчеркнул, что монгольский период это – «одна из наиболее значимых эпох во всей русской истории... период глубоких перемен во всем политическом и социальном устройстве страны...». Далее вслед за М.Н. Покровским он считает, что «прямо или косвенно монгольское нашествие способствовало падению политических институтов Киевского периода и росту абсолютизма и крепостничества»[3,5]. Несмотря на бедствия и лишения, в монгольский период продолжалась каждодневная работа, что дало возможность расширить свои экономические ресурсы и утвердить свою культуру. «К концу столетия (XIV) русский промышленный и военный потенциал оказался более передовым, нежели у завоевателей, и освобождение Руси стало лишь делом времени. И к середине XV века великий князь московский получил независимость от хана фактически, а в 1480 г. – юридически»[3,6].

Г.В. Вернадский считал, что все политические отношения между князьями строились в соответствии с монгольскими представлениями о взаимоотношениях между владельцами улусов. Правители Улуг Улуса с пониманием относились к стремлению князей обеспечить себе наследственные права на свои уделы, но в то же время требовали от них строгого подчинения великому князю, как сюзерену. Междуусобная борьба вспыхивала в результате стремления князей увеличить свои наделы. С этой целью они стремились заручиться покровительством при ханском дворе. «Находясь между двух огней, русские должны были временно признать сюзеренитет хана, с тем, чтобы освободить себе руки для отражения тевтонского крестового похода»[3,5]. Другой причиной конфликтов он считал неурядицы в Улуг Улусе, которые вызывали неразбериху в русских делях, что создавало условия для разжигания междуножеких противоречий.

Вместе с тем, на наш взгляд, впервые в российской исторической традиции Вернадский предлагает системный подход к рассмотрению монгольского периода. Он пишет, что «поскольку Русь была частью Монгольской империи и региональным ханством Золотой Орды в течение столетий, ход русской истории в этот период не может

быть достаточным образом понят без соответствующего исследования всего монгольского фона. Многие важные политические решения или административные распоряжения, которые глубоко затрагивали Русь, принимались великим ханом, живущим в Монголии или Китае. ...Имея в виду эти соображения, - заключает ученый, - я предлагаю... не просто историю Руси в монгольский период, а исследование взаимосвязи монголов и Руси в это время. Я убежден, подчеркивает он, - что это – единственный путь к правильному пониманию основных тенденций политического и социального развития Руси в эту эпоху»[3,6-7].

Можно сказать, что именно Вернадскому в евразийстве принадлежала тема православия – одна из важнейших в евразийской идеологии, вопреки утверждениям его оппонентов (и, прежде всего, И.А. Ильина). Поэтому стоит несколько критически отнестись к утверждениям тех исследователей, которые склонны рассматривать евразийство «без Вернадского» или Вернадского без евразийства – и то, и другое грозит определенной аберрацией[12; 11]. Его дебютом в качестве евразийца стала именно статья в сборнике «Россия и латинство», посвященная взаимоотношениям восточного и западного христианства[1].

«Начертание русской истории» является последней крупной работой, написанной Вернадским в «пражский период»[4]. Показательно, что сама идея книги зародилась еще до революции – сам Г.В. Вернадский ссылался на «вступительную лекцию... в С.-Петербургском университете», прочитанную осенью 1913 г. и опубликованную в следующем году. Это тем более важно, поскольку критики евразийства подчас связывали его возникновение с подсознательным раздражением эмигрантов против отторгнувшей их послевоенной Европы. Между тем, как и у Н.С. Трубецкого, «протоевразийские» взгляды сложились у Вернадского еще до революции – не без воздействия идей В.О. Ключевского о ведущей роли колонизации в русской истории. Важно, что «Начертание» было отправной точкой для фундаментальной «Истории России», поскольку исследователи научного наследия Г.В. Вернадского, в том числе и Ч. Гальперин, склонны противопоставлять его ранние, «евразийские» работы поздним – более описательным и деидеологизированным [19,55-194].

Согласно Б.А. Николаеву, «Начертание» носило «научно-популярный характер и было рассчитано на широкую аудиторию»[2,10]. Так как «Начертание» не являлось первой книгой по русской истории, то оно было рассчитано на тех, кто учил ее по учебникам Д.И. Иловайского или С.Ф. Платонова. В этом смысле данная работа в корне отличалась, например, от учебника русской истории С.Г. Пушкирева, составленном на основе лекций, прочитанных в лагере для перемещенных лиц и адресованных тем, у кого за плечами были

школьные учебники по «обществоведению» или «истории СССР».

Одним из центральных понятий в книге является «месторазвитие», которое Г.В. Вернадский определял как географическую среду, которая «налагает печать своих особенностей на человеческие общежития, развивающиеся в этой среде»[5,25]. Самым масштабным месторазвитием, по мнению Г.В. Вернадского, является сама Евразия, которая как бы «предсоздана» для единого государства. Подобная предпосылка заложена в характере Евразии, в которой нет существенных рубежей. Поэтому, как писал Н.С. Трубецкой, «всякий народ, овладевший той или иной речной системой, оказывался господином только одной определенной части Евразии, народ же, овладевший системой степи, оказывался господином всей Евразии»[15,214-219].

Г.В. Вернадский насчитывает несколько неудачных попыток создания «единой государственности», за каждой из которых следует распад на «систему государств». Одним из примеров воссоздания единой государственности, по его мнению, является Монгольская империя. Затем следуют две ступени ее распада – на первой выделяется Золотая Орда, на второй выдвигаются Литва, Русь, Казань, киргизы, узбеки и ойраты-монголы[5, гл.8]. Что интересно, «схема периодической ритмичности государствообразующего процесса» остается незаконченной, и последнее звено завершается многозначительным отточением: «Единая государственность (Российская Империя - Союз Советских Республик...?)». Знак вопроса подразумевает, конечно, новый распад и новую «систему государств» - а может быть, и новую возможность объединения в едином «месторазвитии»[5,15].

Согласно С.М. Соловьеву, основу русской истории составляет борьба леса со степью. В «Начертании» это и концепция, и яркий образ. Так, Киевская Русь создается на пересечении леса со степью - именно на их границе возникает Киев (как и Булгар, столица волжских болгар). Столъ же характерно и местоположение Сарая - граница степи и пустыни. Соответственно, включение Руси в состав Золотой Орды является победой степи над лесом. Московская Русь несет победу леса над степью, а имперский период - объединение леса и степи. «Государство, созданное русским народом в процессе исторического развития, не есть только политический механизм; это государство есть громадный историко-культурный организм; это государство есть особый мир - особая часть света»[5,281].

По выражению П.Н. Савицкого (1895-1968), Вернадский «с геополитической точки зрения несъблочно обоснованно... ввел историю Золотой Орды в рамки русской истории»[13,285]. Показательно, что одновременно с «Начертанием» выходит книга самого П.Н. Савицкого «Географиче-

ские особенности России» (Прага, 1927) – совпадение, позволившее эмигрантским острословам говорить о том, что у евразийцев теперь есть история с географией. Он раскрывал в этой работе понятие «месторазвития» так: «Понятие «месторазвитие» останется в силе, будем ли мы считать, что географическая обстановка односторонне влияет на социально-историческую среду, или, наоборот, что эта последняя односторонне создает внешнюю обстановку, или же мы будем признавать наличие процессов обоих родов. Мы считаем, - уверяет он, - что научной является только эта последняя концепция»[14,293].

По мнению П.Н. Савицкого, работа Г.В. Вернадского, в отношении ряда периодов и вопросов действительным образом преодолевает укоренившийся шаблон русского историописания. Он приводит мысль Вернадского о том, что нелепо пишут так, как будто никакого татарского ига и не было, это то же самое, что писать историю Рязанской губернии, вне общей истории России. Россия «эпохи татарского ига... была в то же время провинцией большого государства... Общие соображения о значении истории монголо-татарских держав в русской истории, он облекает в плоть и кровь фактического материала, - пишет Савицкий. Рассматриваемую им в этом выпуске политическую, военную и дипломатическую историю России он очерчивает (для периода XIII-XV вв.) в широкой рамке истории монголо-татарских держав этого времени. Нужно надеяться, уверяет он, - что этот прием станет отныне неотъемлемым приобретением русской историографии»[5,291].

Силу золотоордынской государственной традиции, Савицкий считает неисчерпанной в «великое столетие» Золотой Орды (от середины XIII по середину XIV века). Крупным фактом, на который в изложении Г.В. Вернадского имеются отчасти указания, отчасти намеки, Савицкий возводит в двукратное «возрождение» государственно-политической традиции Золотой Орды. «Первое из них, - по его суждению, - можно назвать тохтамышо-едигеевым или тимуровым возрождением (конец XIV- начало XV веков), второе – менгли-гириевым или крымско-османским (XV- XVIII века)[5,291].

Ряд золотоордынских царей и темников XIII-XIV столетия, как утверждает Савицкий, может и должен быть сопоставляем в качестве распорядителей судьбами Евразии с образами русских императоров, императриц и полководцев XVIII-XIX веков. Среди них он называет «властного и сурового правителя» Беркай, «победителя греков» темника Ногая, «правосудного и расположенного к людям добра всякого вероисповедания», в то же время «властного и сильного» хана Тохту, великого Узбека, Джанибека, при котором была «большая льгота» русской земле и прочих[5,289]. Савицкий также считает, что в исторической науке России надо отдать должное дому Джучия и мон-

гольской военной среде. «Ряд администраторов и полководцев, выдвинувшихся в истории Золотой Орды, - говорит он, - может поспорить с любым таким рядом в истории других народов и стран. В особенности, если мы вспомним, что Золотая Орда есть только часть этого целого, в центре и других частях которого действовали и Чингис, и его полководцы, и последующие великие ханы XIII века, среди которых немало крупных фигур»[5,289].

Консолидирующую роль монгольской государственности для русских разрозненных княжеств доказывал в своей статье «Национальное государство на территории Евразии (1927) Б. Ширяев.

Аналогичную оценку «монгольскому нашествию» давал в своей книге «Чингиз-хан как полководец и его наследие» (Белград, 1929) Э. Хара-Даван. В «Предисловии» к своей работе он отмечал, что «только за самые последние годы ученые евразийского мировоззрения, изучая проблему русского самопознания, стали внимательно разбираться в разных восточных влияниях на русскую историю. Это дало возможность «разбить предубеждения и предрассудки европеизма, с которыми трактовался этот вопрос до них»[17,37]. При этом он обращает внимание на необходимость изучения монгольского периода, которому «не придавалось особого значения «казенными» историками», относившими его «к числу «пустых периодов» русской истории, несмотря на тот исторический факт, - пишет он, - что из этого периода – как из «материнского лона» - вышла Московская Русь»[17,36]. Давая общую характеристику дореволюционной историографии, он сделал жесткое заключение о том, что «в наших казенных учебниках... вопрос о влиянии монгольского ига на Россию подробному разбору не подвергался, а то, что писалось по этому поводу, было поверхностно и ненаучно»[17,221], за исключением работ евразийцев, рассмотренных выше.

В заключительной части работы Э. Хара-Даван отмечает, что «до прихода монголов многочисленные русские княжества варяжского происхождения... фактически не составляли одного государства... Под влиянием монгольского владычества эти княжества и племена, по его мнению, были слиты воедино, образовав сначала Московское царство, а впоследствии Российскую империю»[17,221]. Таким образом, по суждению историка, монголы приступили к собиранию, к организации Руси, подобно своему государству, ради водворения в стране порядка, законности и благосостояния.

«В результате такой политики монголов... они дали покоренной им стране основные элементы будущей московской государственности: самодержавие (ханат), централизм, крепостничество»[17,223], - рассуждает Э. Хара-Даван. Главная же причина возвышения Москвы, - по его заклю-

чению, - это сильная помощь золотоордынских ханов московским князьям. «Гроза ханского гнева сдерживала «забияк»... Хан был верховным арбитром русских князей, споры которых разрешались там и всегда в пользу и для возвышения Московского княжества»[17,226].

В итоге, «монгольское иго», по его оценке, было для Руси превосходной, хотя и тяжелой, школой, в которой выковалась московская государственность и русское самодержавие. «Ни варяги, ни византийцы не смогли дать русским государственность и великодержавность, которые выковались в суровой школе, называемой, по несознанию ее роли, «монгольским игом»»[17,242].

Таким образом, в основе евразийского учения лежало убеждение в том, что России предначертан особый исторический путь и своя миссия. В этом евразийцы считали себя последователями славянофилов. Однако славянофилы растворяли русскую идею в этнической – славянской. Евразийцы же считали, что русская национальность не может быть сведена к славянскому этносу. В ее образовании, по их суждению, большую роль сыграли тюркские и угро-финские племена, населявшие единое с восточными славянами «месторазвитие» и постоянно взаимодействовавшие с ними. Национальным субстратом этого государства, как подчеркивал ведущий теоретик евразийства - Н.С. Трубецкой, является вся совокупность населяющих его народов, представляющих собой единую многонациональную нацию. Эту нацию, названную евразийской, объединяет не только общее «месторазвитие», но и общеевразийское национальное самосознание.

Категорически отвергая западничество и одновременно его славянофильскую альтернативу, евразийцы декларировали свою «серединную» позицию: «Культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той или других... Ее надо противопоставить культурам Европы и Азии как серединную, евразийскую культуру»[6.32]. Привлекательность избранной позиции состояла в том, что евразийцы не хотели смотреть на Россию как на культурную провинцию Европы, с запозданием повторяющую ее «зады». Но, упрекая «новых западников» в идейном холопстве по отношению к Европе, евразийцы в отличие от старых славянофилов, фетишизовавших славянские корни русской народной жизни, утверждали существенное влияние на нее восточного, «турецкого» элемента, наследия Чингисхана.

Согласно евразийцам, монголы первыми решили историческую задачу Евразии, положили начало единству этого безбрежного Океана-Континента, заложили основы его государственного устройства. Их прямой наследницей стала Московская Русь как новое государственное образование. Будучи «наказанием Божиим», «татар-

щина» повлияла на быт, образ жизни, психологию русского народа, на его социальную организацию и государственное устройство. Вместе с тем «татарщина» была той нейтральной средой, которая, принимая всех богов, допускала любые культуры, не уничтожала духовного облика русского народа, его веры.

Евразийцы считали, что основателями русского государства стали московские цари, которые являлись восприемниками монгольских ханов. И первоначально Великое Московское княжество было не чем иным, как Улуг Улусом, земли которого осторожно, но упорно собирали московские князья. В результате «свержение татарского ига», практически, свелось к перенесению ханской ставки из Сафы в Москву. Но по-настоящему мощным государством Москва стала после покорения - где силой оружия, а где дипломатией - Казани, Астрахани, Сибири. Так распадавшийся Улуг Улус возродился в новом обличье Московского царства[9.11-12].

Однако, в отличие от военно-политического объединения Евразии монголами, ее вторичное объединение великими князьями и царями стало возможно лишь при наличии мощной духовной связи. Такой связью стало православие и его византийские традиции. Чудо превращения монгольской среды в русскую государственность осуществлялось благодаря напряженному горению религиозного чувства, благодаря православно-религиозному подъему, охватившему Россию в монгольский период. Таким образом, исход к Востоку был предопределен не только геополитическим положением России-Евразии, но и логикой ее исторического развития и, как утверждают евразийцы, «замыслом Божиим».

Евразийская теория взаимоотношений «леса» и «степи» вызвала бурную полемику в среде русских эмигрантских историков. Большинство из них, воспитанных на классических трудах русской исторической школы, безусловно, не принимали данной трактовки (и, прежде всего, концепции татаро-монгольского влияния на ход русской истории). Даже среди евразийцев далеко не все разделяли «русско-турецкую» теорию. Так, например, видный деятель евразийского движения Я.Д. Садовский в своем письме П.Н. Савицкому резко критиковал книгу «Наследие Чингисхана в русской империи», вышедшую в 1925 году в «Евразийском книгоиздательстве», за «восхваление гнуснейшего и подлейшего рабства у татар»[20]. Подобной позиции придерживался и другой видный евразийский теоретик – М. Шахматов[18.104].

Противники евразийства также обрушились с критикой со своих позиций. Так, П.Н. Милюков противопоставлял аргументации евразийцев свои тезисы об «отсутствии евразийской культуры, общей русским с монголами», и «отсутствии какого-нибудь значительного родства восточного степно-

го быта с оседлым русским»[7.32-33]. «Апофеоз татарщины» усматривал в евразийской теории видный либеральный историк А.А. Кизеветтер. «Дмитрий Донской и Сергий Радонежский с точки зрения правоверного евразийца должны быть призваны изменниками национальному призванию России»[8], иронизировал он.

Так или иначе, но, несмотря на определенный радикализм и субъективизм, евразийское наследие ценно тем, что в нем была дана новая, по сути, трактовка взаимоотношений России, как с Западом, так и Востоком. Их разработки в области культурологии и историософии способствовали развитию одной из ветвей отечественной историографии – так называемой «евразийской школы», что, несомненно, обогатило теоретическую базу исторической науки.

В основе евразийского учения лежало убеждение в том, что России предначертан особый исторический путь и своя миссия. В этом евразийцы считали себя последователями славянофилов. Однако славянофилы растворяли русскую идею в этнической - славянской. Евразийцы же считали, что русская национальность не может быть сведена к славянскому этносу. В ее образовании, по их суждению, большую роль сыграли тюркские и угро-финские племена, населявшие единое с восточными славянами «месторазвитие» и постоянно взаимодействовавшие с ними. Национальным субстратом этого государства, по их мнению, является вся совокупность населяющих его народов, представляющих собой единую многонациональную нацию. Эту нацию, названную евразийской, объединяет не только общее «месторазвитие», но и общеевразийское национальное самосознание.

Таким образом, после революции 1917 года и утверждения Советской власти в России наступает новая эпоха в отечественной историографии. Почти одновременно складываются две исторические школы, каждая из которых, так или иначе, обращалась к проблеме роли и места Улуг Улуса в истории России на основе имеющихся в распоряжении науки источников. Характерно, что представители этих школ - марксистской (советской) и евразийской (эмigrantской) - находились на разных методологических позициях. Но это, как ни странно, это не помешало им на первых порах по интересующему нас вопросу выдвигать сходные точки зрения. Между тем, в советской историографии социально-политическая борьба на Руси в XIII-XV вв. стала рассматриваться в соответствии с марксистской концепцией общественно-экономических формаций. Большая роль в разжигании международных противоречий отводилась Улуг Улусу, политика которого, по суждению партийных историков, была направлена на то, чтобы помешать политическому объединению Руси и созданию сильной центральной власти. Монголы стремились к сохранению феодальной раздробленности, поддерживали и разжигали рас-

при между князьями отдельных феодальных центров Руси, ослабляя их политические силы.

В основе же евразийского учения лежало убеждение в том, что России предначертан особый исторический путь и своя миссия. В этом евразийцы считали себя последователями славянофилов. Однако славянофилы растворяли русскую идею в этнической - славянской. Евразийцы же считали, что русская национальность не может быть сведена к славянскому этносу. В ее образовании, по их суждению, большую роль сыграли тюркские и угро-финские племена, населявшие единое с восточными славянами «месторазвитие» и постоянно взаимодействовавшие с ними. Национальным суб-

стратом этого государства, по их мнению, является вся совокупность населяющих его народов, представляющих собой единую многонациональную нацию. Эту нацию, названную евразийской, объединяет не только общее «месторазвитие», но и общеевразийское национальное самосознание. Поэтому «всякий народ, овладевший той или иной речной системой, оказывался господином только одной определенной части Евразии, народ же, овладевший системой степи, оказывался господином всей Евразии».

Таким образом, с геополитической точки зрения евразийцы обоснованно вводят историю Улуг Улуса в рамки русской истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вернадский Г.В. Соединение церквей // Россия и латинство. Берлин, 1923. С.80-120.
2. Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Тверь; М., 1996. 445 с.
3. Вернадский Г.В. История России. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997. 476 с.
4. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. С приложением «Геополитических заметок по русской истории» П.Н. Савицкого. Ч.1. 264 с.
5. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб., 2000. С приложением «Геополитических заметок по русской истории» П.Н. Савицкого. Ч.1. 320 с.
6. Евразийство: Опыт систематического изложения. Париж; Берлин: Евразийское издательство. 1926. 77 с.
7. Евразийская хроника. / Под ред. П.Н. Савицкого. Париж, 1927. Вып.7. 63 с.
8. Кизеветтер А. Евразийство // Руль. 1925. 10 января.
9. Мир России – Евразия: Антология. / Сост.: Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М., 1995. 396 с.
10. На путях. Утверждение евразийцев. Кн. 2. М.; Берлин, 1922. 355 с.
11. Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. 427 с.
12. Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология. Ред.-сост. докт. фил. наук. М., 1993. 367 с.
13. Савицкий П.Н. Геополитические заметки по русской истории: Прил. // Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб., 2000. Ч.1. С. 285-311.
14. Савицкий П.Н. Географический обзор России-Евразии // Мир России – Евразия: Антология. / Сост.: Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М., 1995. С.219-232.
15. Трубецкой Н. Наследие Чингисхана // Трубецкой Н.С. История, культура, языки. М., 1995. 800 с.
16. Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М., 2000. 554 с.
17. Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие // Арабески истории. Вып.2. Пустыня Тартарии. М., 1995. С.36-274.
18. Шатилов А. Пересвет и Челубей – братья навек // Родина. 1997. № 3-4.
19. Halperin Cparles J. Russia and the Steppe: George Vernadski and Eurasianism// Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. 1985. Bd. 36.
20. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.5783. Оп.1. Д. 384. Л.14.

Автор статьи:

Мухаметов

Фарит Федорович

- канд. ист. наук, доц. Троицкого
филиала Челябинского государствен-
ного университета, г. Троицк

УДК 974

А.А.Валитов

ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ 1861-1904 гг.

В современном мире идея гражданского общества приобрела большую актуальность не только благодаря теоретическим разработкам, но и с практическою значимостью. В России о

формировании гражданского общества стали говорить в ходе демократических преобразований в 90е годы XX века. В процессе реформирования страны, так и не образовалось дееспо-